

СЧАСТЬЕ и ТРУДЪ.

СОСТАВИЛЪ

П. МАНТЕГАЦЦА,

ПРОФЕССОРЪ АНТРОПОЛОГИИ ВО ФЛОРЕНЦИИ.

Перевелъ со 2-го итальянскаго изданія

Д-ръ Н. Лейненбергъ.

ИЗДАНИЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромолитографія А. Траншель, Стремянная, № 12.
1889.

KE 20886

Доволено цензурою, С.-Петербургъ, 24 Ноября 1888 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПОСЛѢДНЕМУ ИЗДАНІЮ.

Эта маленькая книжка, вышедшая скорѣе изъ моего сердца, чѣмъ изъ головы, имѣетъ въ виду сообщать читателю то горячее чувство обожанія труда, которое вдохновляло меня при ея составленіи. Книга имѣла большой успѣхъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ моимъ издателемъ ея было продано *три тысячи* экземпляровъ. Одновременно съ этимъ другія, весьма почтенныя книги, въ которыхъ обсуждались тѣ же вопросы, хотя и нѣсколько иначе, чѣмъ обсуждаю ихъ я, также пользовались вниманіемъ публики. Признаюсь искренно, наблюдать такія явленія въ высшей степени отрадно: если народъ читаетъ съ удовольствіемъ книги, въ которыхъ пропагандируется святость труда, то это служить доказательствомъ, что онъ стоитъ на вѣрной дорогѣ. Педанты морали и религіи могутъ оставить въ покоѣ честныхъ труженниковъ. Они питаютъ олимпійское презрѣніе ко всѣмъ, кто не говоритъ ихъ шаблоннымъ языкомъ, кто не проповѣдуетъ ихъ неподвижнаго нравственнаго кодекса и фетишизма. Имъ бы хотѣлось превратить весь міръ въ одну мумію. Пусть эти сторонники застоя величаются какъ имъ угодно,—мы будемъ относиться къ нимъ какъ

къ любопытнымъ предметамъ, стоящимъ въ витринахъ археологическихъ музеевъ. Оставимъ этихъ педантовъ, для которыхъ новыя области, открытыя современной цивилизаціей, представляются не болѣе какъ глыбою земли,—мы имѣемъ дѣло съ людьми труда. Они должны подать другъ другу руки и придти въ приготовленный нашимъ дѣтямъ Пантеонъ, гдѣ будутъ достойно цѣниться честь и трудъ. Все же остальное, какъ сказалъ одинъ великій человѣкъ,—есть громадная пѣна схоластической суеты, безъ связи плавающей на поверхности.

П. Мантегацца.

ГЛАВА I.

Трудъ — міровой законъ.

Почти всѣ несчастія происходятъ отъ нашего невѣжества или безсилія.—Утренняя прогулка въ одинъ апрѣльскій день.— Что я видѣлъ во время этой прогулки и какъ я возвратился домой.

Праздность изобрѣтена людскою глупостью; ничто въ природѣ не живетъ празднымъ.

Ж. Ниебо.

Чѣмъ болѣе я старѣю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что почти всѣ бѣдствія жизни происходятъ отъ нашего невѣжества или безсилія. Еслибы каждый изъ насъ умѣлъ хорошо читать въ великой книгѣ природы, мы, безъ сомнѣнія, научились бы избѣгать жизненныхъ шиповъ и идти съ увѣренностью по тяжелой тропѣ нашего существованія. Двигаемся ли мы черепашинымъ шагомъ или мчимся быстрѣе коня, останавливаемся или идемъ впередъ по величественной улицѣ природы, мы всегда стремимся миновать препятствія, заграждающія нашъ путь и горимъ нетерпѣніемъ узнать, что находится по ту сторону преграды. Во время этихъ смѣлыхъ порывовъ и неопредѣленныхъ блужданій съ нами случаются имен-

но самыя тяжелыя жизненныя невзгоды; мы теряемъ единственный путь, ведущій къ счастію, который и состоитъ въ повиновеніи неизмѣннымъ законамъ природы.

Міръ былъ сотворенъ до насъ и безъ насъ: недавніе сыны его на нашей планетѣ, мы очутились среди многихъ недостатковъ и уродливостей; что же дѣлать: ни исправить, ни пересоздать его мы не можемъ. Надо принять совершившіеся уже факты и, оглядѣвшись, стараться извлечь пользу изъ всѣхъ силъ, какія расточительная природа даетъ намъ въ распоряженіе. Недостатковъ и уродливостей не мало, но человѣкъ вращается въ широкомъ горизонтѣ, имѣя плодородныя поля и цвѣтушіе сады; облака, разсѣваясь, открываютъ ему въ лазурной небесной глубинѣ безконечность—она его очаровываетъ, поднимаетъ изъ грязи, уноситъ въ области поэзіи и идеала. А когда у человѣка имѣются поле для обработки и небо для мечтаній; когда у него есть насущный хлѣбъ сегодня и безконечная надежда на завтра; когда онъ устроилъ теплое гнѣздо, гдѣ укрывается его любимая семья—развѣ человѣкъ не счастливѣйшее изъ созданій? Развѣ онъ не господинъ на своей планетѣ, развѣ онъ не проникаетъ съ помощью науки въ тѣ загадочныя области, куда можно пробраться только на крыльяхъ поэзіи? Но, чтобы быть счастливымъ, человѣкъ долженъ быть интеллигентнымъ и покорнымъ слугою природы. Внѣ природы нѣтъ надежды на спасеніе. Всѣ грѣхи, всѣ физическія и нравственныя страданія человѣка происходятъ отъ нарушенія имъ вели-

каго кодекса природы. Естественно быть честнымъ, трудолюбивымъ, естественно стремленіе къ совершенствованію; но все безчестное, лѣнивое и испорченное противно природѣ, и она, какъ справедливый, но неумолимый судья, наказываетъ порочныхъ угрызеніями совѣсти, тоской, презрѣніемъ къ самимъ себѣ. Многіе соціальныя недуги, которыхъ мы не умѣемъ еще лечить,—исцѣляются, когда человѣкъ научится лучше читать въ великой книгѣ природы и возвратится на широкій путь, куда она издавна призываетъ его.

Одинъ изъ самыхъ всеобщихъ ея законовъ, это—трудъ, и кто желаетъ нарушить этотъ законъ обойти его, тотъ мятежникъ, который за это долженъ быть наказанъ природой или людьми, а чаще всего и той, и другими вмѣстѣ; наказаніе же часто бываетъ очень жестокимъ.

Когда я былъ ребенкомъ, моя мать, женщина весьма трудолюбивая во многихъ областяхъ умственной дѣятельности, всегда твердила мнѣ: *сынъ мой, работай; трудъ—краеугольный камень нравственности и лучшее наслажденіе въ жизни*. Но я былъ тогда отчаяннымъ сорванцемъ; свѣтъ разума еще не освѣщалъ меня: занятія казались мнѣ невыносимымъ гнетомъ, сущимъ наказаніемъ, налагаемымъ взрослыми на малютокъ, какъ бы въ видѣ искупленія за первородный грѣхъ.

Проходили годы въ жалобахъ на меня со стороны учителя и въ нѣжныхъ увѣщаніяхъ со стороны матери; я продолжалъ упорствовать, но уже мракъ въ моей головѣ мало-по-малу разсѣвался,

и въ одинъ прекрасный день изъ-за вершины горы показался первый лучъ того солнца, которое называется человѣческимъ разумомъ. Съ благоговѣйнымъ волненіемъ вспоминается мнѣ этотъ день, потому что съ тѣхъ поръ я сталъ человѣкомъ, который никогда по собственной винѣ не имѣлъ ни единого часа страданій; и часто я говорилъ себѣ безъ всякаго страха, я—человѣкъ счастливый.

Я былъ уже юношей, молодость ликовала въ моемъ сердцѣ ощущеніями теплоты, радости и жизни. Былъ апрѣльскій день и вслѣдствіе тревожныхъ сновъ прошедшей ночи я, противъ обыкновенія, проснулся на зарѣ; на лицѣ и въ душѣ моей еще не изгладились слѣды пережитыхъ волненій—такъ миновавшая гроза оставляетъ по себѣ слѣды на примятой травѣ, на сломанныхъ сучьяхъ и поникшихъ цвѣтахъ.

Я вышелъ въ садъ и полною грудью сталъ вдыхать смѣшанные ароматы цвѣтовъ, травы и деревьевъ. Я направился между клумбъ, то ускоряя шагъ, то останавливаясь предъ особенно красивымъ цвѣткомъ, то поправляя красивую вѣтку. Сколько живыхъ существъ населяло цвѣты и кустарники! Сколько этихъ живыхъ существъ проснулось еще раньше меня! И всѣ они уже работали!

Неутомимыя подвижныя пчелы перелетали отъ цвѣтка къ цвѣтку, похищая у нихъ плодотворную пыль и душистые соки; черные шмели копошились

въ чашечкахъ цвѣтовъ, оббѣгая со всѣхъ сторонъ ихъ пестики и тычинки; осы столарничали своими крѣпкими орудіями, выдѣлывая кружево затѣйливаго гнѣзда. Цѣлый міръ крошечныхъ жучковъ весело пожиралъ лепестки цвѣтовъ, и каждый изъ нихъ взбирался на свое излюбленное растеніе.

Надолго приковалъ меня къ себѣ одинъ розовый кустъ; зеленныя гусеницы и прожорливыя личинки глодали края его листьевъ, точили его почки, стараясь проникнуть въ ихъ глубину; а муравей суетливо выбѣгалъ изъ среды этихъ малютокъ, поспѣвая на работу. Въ кустѣ цвѣтущихъ нарциссовъ разноцвѣтныя бабочки легко, легко перепархивали съ вѣнчика на вѣнчикъ, высасывая изъ нихъ медъ. Сколько шума, сколько движенія, сколько дѣятельности въ этомъ мірѣ чешуйчатыхъ, жесткокрылыхъ, летающихъ и прыгающихъ насѣкомыхъ!

Я сѣлъ на деревянную скамью, стоявшую въ тѣни деревьевъ, и облокотившись на колѣна, сталъ пристально смотрѣть на землю, всецѣло занятый одной мыслью. Всѣ эти тысячи разнообразныхъ насѣкомыхъ дружно работали; всѣ они добывали пропитаніе для себя и для своей семьи: кто собиралъ медъ, кто матеріалъ для постройки жилья, но всѣ трудились. Въ этотъ моментъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, прозвучали въ моихъ ушахъ слова матери: *сынъ мой, работай!*

Я продолжалъ всматриваться и черезъ нѣсколько минутъ замѣтилъ, что невдалекѣ отъ меня двойная процессія муравьевъ длинной вереницей суетилась взадъ и впередъ. Одни несли во рту листья,

соломенки, сѣмена, частицы растений и подвигались медленно; другіе же, ненагруженные, шли быстрее, отыскивая добычу. И муравьи работают. Слѣдуя взглядомъ за этой процессіей, я увидѣлъ у ствола винограднаго дерева, на голой землѣ, маленький трупъ недавно убитаго садовникомъ крота. Онъ лежалъ посинѣвшей мордой вверхъ и уже разлагался. Къ моему величайшему изумленію, я замѣтилъ, что этотъ трупъ движется, будто приподнимаемый подземной силой. Я вглядѣлся пристальнѣе: кротъ ворочался, то поднимаясь, то опускаясь, но двигательная сила была скрыта. Я подкрался; минуту спустя, высунулась головка съ длинными усиками, затѣмъ нижнія части прекраснаго жесткокрылаго съ желтыми и черными квадратами на тѣлцѣ,—это былъ жукъ-могильщикъ. За нимъ вылѣзъ второй, третій, четвертый. Подъ трупомъ цѣлая семья ихъ старалась похоронить крота: въ трупъ его они положить свои яйца. И здѣсь трудились.

Я вышелъ изъ сада въ открытое поле, черезъ старый портикъ; здѣсь слышалось громкое щебетаніе ласточекъ, строившихъ свои гнѣзда подъ сводами. И тутъ трудились... И снова въ ушахъ моихъ прозвучалъ голосъ матери: *сынъ мой, работай!*

Я ходилъ по дорожкамъ, тропинкамъ и наконецъ усталый бросился на холмикъ, весь покрытый лишайникомъ и бархатистымъ мхомъ; на этомъ коврѣ я улегся, какъ бы желая обнять землю и стать возможно ближе къ природѣ, полной таковой дѣятельности и жизни. Налюбовавшись вдоволь

странными чешуйками липайника и чудными переливами мелкихъ изумрудныхъ кустиковъ, я приподнялъ одинъ изъ камней и нашелъ подъ нимъ цѣлый міръ крошечныхъ созданій; сѣрая толпа ихъ выкапывала затѣйливыя галереи. Даже подъ этимъ камнемъ велась усердная работа; даже крошечные насѣкомыя трудомъ поддерживали свою жизнь. До моего слуха долетали съ поля звуки пѣсни, сопровождавшіеся мѣрными ударами заступа—и я увидѣлъ вдали, между виноградниками, крестьянскую семью за работой.

Эти смѣшанные звуки, какъ и все, что я видѣлъ и слышалъ въ эту утреннюю прогулку, слились для меня въ одинъ стройный концертъ: мнѣ казалось, что все вокругъ меня воодушевляется, и я перенесся вдругъ въ невѣдомый, мнѣ самому чуждый міръ. Весь свѣтъ мнѣ представился громадною мастерской, гдѣ ни единый атомъ не остается безъ движенія, гдѣ воздухъ и солнце, и растенія, и насѣкомыя, и птицы, и люди — лишь работники, повинующіеся нѣмому повелѣнію загадочнаго, незримаго владыки. Быть можетъ, солнце повелѣвало всѣмъ земнымъ созданіямъ двигаться и работать,—развѣ же оно, двигаясь непрерывно въ небесномъ пространствѣ, не даетъ примѣра работы безъ отдыха? А свѣтъ, который отъ него исходитъ — развѣ не дѣятеленъ? развѣ онъ не даетъ зелень листьямъ и цвѣта насѣкомымъ? А пріятная теплота, которая чрезъ кожу проникаетъ въ мои члены, лаская и опьяняя меня,—развѣ это не иной лишь видъ движенія, не иная лишь форма труда?

А растенія, которыми покрыта вся земная поверхность, безчисленные геліотропы, мхи и множество другихъ, развѣ они не поглощаютъ изъ воздуха вредную для животныхъ углекислоту? Каждый окисляющійся атомъ, отдѣлившись отъ утеса, образуетъ будущіе слои почвы; воздухъ непрерывно проникаетъ внутрь камня и разрушаетъ его. Работаютъ и камни, и воздухъ, и свѣтъ, и теплота. Развѣ нельзя назвать растенія великими химическими и физическими лабораторіями? Корни ихъ, фильтруя глубокіе соки земли, медленно поглощаютъ капли ночной росы; листья, въ борьбѣ съ атмосферой, очищаютъ ее отъ нечистоты животныхъ выдыханій, такъ что каждый зеленый атомъ—аппаратъ для анализа и очищенія. Въ каждомъ цвѣтѣ, въ каждомъ стволѣ—тысячи, миллионы фильтровъ и каналовъ дистилируютъ безъ конца различныя эссенціи и масла; въ глубокихъ венахъ вѣтвей и волоконъ медленно обращается жизнь; а все вмѣстѣ взятое,—это мастерская, это механизмъ, полный безконечнаго движенія. И нѣмныя, неподвижныя растенія также работаютъ, работаютъ непрерывно, безъ отдыха.

Подъ зеленымъ покровомъ природы дѣятельно работаетъ между тѣмъ другая мастерская, состоится въ трудѣ другая, болѣе шумная и еще болѣе дѣятельная рать гигантовъ и карликовъ, ползающихъ, бѣгающихъ, извивающихся и летающихъ существъ; всѣ они неутомимо работаютъ въ борьбѣ за существованіе. Одни изъ нихъ роютъ, другіе зарываютъ; одни тащатъ, другіе собираютъ жатву; кто архитекторъ, а кто плотникъ или могильщикъ;

но неимовѣрная, безконечная дѣятельность господствуетъ во всемъ животномъ мірѣ.

При этомъ созерцаніи природы мнѣ открылся еще и другой законъ: чѣмъ выше отъ простыхъ существъ къ болѣе сложнымъ, тѣмъ совершеннѣе и механизмъ ихъ строенія; а въ связи съ этимъ виднѣлось и больше дѣятельности, и больше разнообразія въ движеніяхъ: камень окислялся, растеніе питалось и давало плодъ; насѣкомое питалось, двигалось, отдѣляло теплоту и такъ далѣе до человѣка, который питался, двигался, мыслилъ, видѣлъ, слышалъ и понималъ окружающую его природу; онъ созналъ ея силы и овладѣлъ ими; онъ сталъ главою этой міровой мастерской, но работаетъ больше всѣхъ остальныхъ существъ, и трудъ его поглощаетъ работу всѣхъ остальныхъ живыхъ твореній.

Я находился какъ бы въ вихрѣ безконечнаго движенія и чувствовалъ, какъ онъ влечетъ меня. *Трудъ мнѣ представился синонимомъ жизни, а жизнь казалась тѣмъ прекраснѣе, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе она вызывала труда.* И сильнѣе прежняго въ ушахъ моихъ снова прозвучалъ голосъ матери: *сынъ мой, работай!* Мнѣ казалось, что и солнечные лучи, и воздухъ, и свѣтъ, и камни, и травы, и безчисленная масса животныхъ взывали ко мнѣ: *человѣкъ, трудись!*

Съ того дня трудъ уже сталъ мнѣ казаться не карою, а благословеніемъ жизни, и теперь, когда я уже состарился, я ежедневно и ежечасно благодарю свою мать за то, что она приучила меня къ самому драгоцѣнному въ жизни благу—къ труду.

Я всегда съ благоговѣніемъ вспоминаю про это апрѣльское утро, когда природа, какъ бы вторя голосу моей матери, внушила мнѣ, что трудъ есть законъ жизни.

Наука каждый день открываетъ намъ, что вся матерія находится въ вѣчномъ движеніи и что самыя разнообразныя физическія явленія и самыя могущественныя проявленія жизненныхъ феноменовъ—ничто иное, какъ движеніе. И теплота—движеніе, и свѣтъ—движеніе, и электричество и магнетизмъ лишь разныя *формы* движенія; матерія же безъ движенія еще не наблюдалась. Трудъ есть жизнь, а жизнь—трудъ. Одно есть мысль, другое—выраженіе ея.

Человѣкъ не можетъ ни питаться, ни одѣваться, ни исправить крышу своего дома,—не работая, не уставая; и въ каждомъ его стремленіи къ добру, къ прекрасному и великому онъ видитъ достаточную оцѣнку своего труда. Все движеніе цивилизаціи во всемъ ея сложномъ механизмѣ—лишь колоссальный трудъ, въ которомъ принимаютъ посильное участіе всѣ люди земнаго шара; и кто болѣе и лучше другихъ работаетъ, тотъ пожинаетъ и лучшіе плоды прогресса. Толпа относится къ такимъ людямъ съ уваженіемъ и превращаетъ ихъ славу въ обоготвореніе труда. Точно также какъ въ природѣ каждый атомъ, притягиваемый различными центрами, движется, такъ и человѣкъ—общественный атомъ, притягиваемый великими центрами—участвуетъ въ движеніи, и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе въ немъ развиваются сила и могущество.

Возмущаться противъ труда, уклоняться отъ него, проклиная работу — источникъ всякаго добра — значитъ отречься отъ жизни. Если вамъ угодно слѣдовать за мною по страницамъ этой книги, то вы увидите, сколько благодати кроется въ трудѣ, сколько онъ доставляетъ человѣку радостей и наслажденій.
